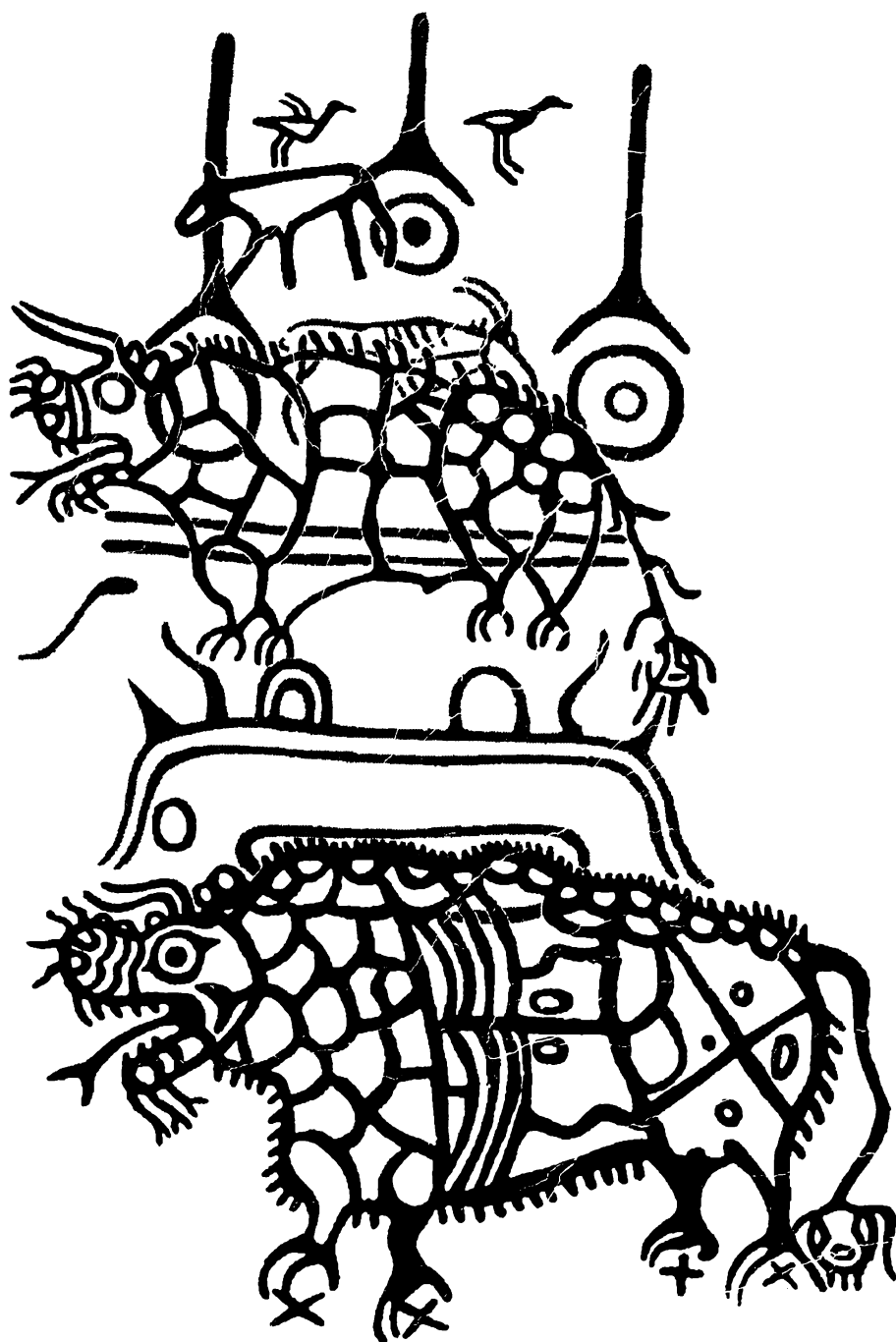

ОКУНЕВСКИЙ СБОРНИК

Культура

Искусство

Антропология

Санкт-Петербург

1997

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
√ <i>Савинов Д.Г.</i> Проблемы изучения окуневской культуры (в историографическом аспекте)	7

I Культура

<i>Лазаретов И.П.</i> Окуневские могильники в долине реки Уйбат.....	19
<i>Хаврин С.В.</i> Могильник Верхний Аскиз I, курган 1	65
<i>Ковалев А.А.</i> Могильник Верхний Аскиз I, курган 2	80
<i>Подольский М.Л.</i> Два окуневских памятника на ручье Узунчул	113
<i>Паульс Е.Д.</i> Два окуневских памятника на юге Хакасии	123
<i>Киргинеков Э.Н.</i> Окуневский курган около у. Мохов	128
<i>Готлиб А.И.</i> Горные архитектурно-фортификационные сооружения окуневской эпохи в Хакасии	134
<i>Семенов Вл. А.</i> Окуневские памятники Тувы и Минусинской котловины (сравнительная характеристика и хронология)	152
<i>Хаврин С.В.</i> Спектральный анализ окуневского металла.....	161

II Искусство

<i>Подольский М.Л.</i> Овладение бесконечностью (опыт типологического подхода к окуневскому искусству).....	168
<i>Савинов Д.Г.</i> К вопросу о формировании окуневской изобразительной традиции	202
<i>Савинов Д.Г.</i> Антропоморфные изваяния из южной части Аскизской степи	213
<i>Леонтьев Н.В.</i> Стела с реки Аскиз (образ мужского божества в окуневском изобразительном искусстве)	222
<i>Чугунов К.В.</i> Новые находки личин в верховьях Енисея	237
√ <i>Дэвлет М.А.</i> Окуневские антропоморфные личины в ряду наскальных изображений Северной и Центральной Азии	240
<i>Студзицкая С.В.</i> Тема космической охоты и образ фантастического зверя в изобразительных памятниках окуневской культуры	251
<i>Пяткин Б.Н.</i> Замечания по поводу интерпретации образа фантастического хищника.....	263
<i>Мачинский Д.А.</i> Уникальный сакральный центр III - середины I тыс. до н.э. в Хакасско-Минусинской котловине	265

III Антропология

<i>Беневоленская Ю.Д., Громов А.В.</i> Морфология затылочной-теменной области черепов окуневской культуры	288
<i>Громов А.В.</i> Краниоскопические особенности населения окуневской культуры	294
<i>Громов А.В.</i> Происхождение и связи окуневского населения Минусинской котловины.....	301
Таблицы индивидуальных измерений черепов из погребений окуневской культуры (приложение к статье А.В.Громова “Происхождение и связи окуневского населения Минусинской котловины”).....	321
Литература.....	346

Введение

Окуневская культура - одна из наиболее ярких и загадочных культур эпохи бронзы - сложилась в середине II тыс. до н.э. на территории Минусинской котловины, в северной части Саяно-Алтайского нагорья (современная Республика Хакасия) в результате симбиоза культурных традиций местного неолитического населения и пришлых групп скотоводов, освоивших восточные окраины Евразийских степей. Такое сочетание не только обусловило своеобразие окуневской культуры, но и определило основные особенности ее формирования, сопоставимые с понятием гетерозиса, когда из двух разнородных начал складывается новое, обычно более высокое, явление.

Включение Южной Сибири в целом и Минусинской котловины в частности в ареал скотоводческих культур, начавшееся, видимо, с проникновения сюда с запада носителей афанасьевской культуры, вызвало "опережение" процессов культурогенеза данного региона по сравнению с другими (лесными) районами Северной Азии, что нашло наиболее отчетливое выражение в окуневской культуре и определило весь дальнейший путь развития населения Южной Сибири.

Однако окуневская культура, возможно, и оставалась бы в ряду многочисленных степных культур эпохи бронзы явлением ничем не выдающимся, если бы не связанные с ней уникальные памятники изобразительного искусства: монументальные каменные изваяния (известные еще со времен сибирской экспедиции Мессершмидта), изображения на плитах из окуневских могильников, петроглифы и красочные рисунки на скалах, изящные предметы мелкой пластики и тончайшие гравировки. Разнообразие видов изобразительной деятельности носителей окуневской культуры поразительно. Вряд ли среди всех остальных культур эпохи бронзы можно назвать хотя бы одну, столь богатую в художественном отношении.

Проблема уникальности окуневской культуры не имеет простого однозначного решения. С одной стороны, она - лишь одно из звеньев становления и распространения степного скотоводства. В вещевом инвентаре окуневских памятников практически нет предметов, неизвестных на других территориях - от Дуная до Байкала. С другой стороны, если рассматривать окуневский вещевой комплекс в целом, то ему аналогий нет. А если к этому добавить окуневское изобразительное творчество, то уникальность этой культуры становится все же очевидной.

По всей видимости, Минусинская котловина - основная территория сложения и распространения окуневской культуры - всегда представляла собой некий историко-географический феномен: она была достаточно открыта, чтобы воспринимать все новые исторические тенденции, рождавшиеся в степях Евразии, но достаточно изолирована, чтобы остаться вне всевозможных случайных вторжений и влияний. В результате, в любую эпоху культура населения котловины могла "выкристаллизоваться", приобрести типологическую цельность. Недаром созданная С.А.Теплоуховым классификация и периодизация минусинских памятников стала эталоном для всей сибирской археологии. Однако, именно окуневской культуре - культуре переходного, по сути дела, характера - была предоставлена возможность выявиться с наибольшей полнотой.

Очевидно, именно полнота самовыражения эпохи и привела к появлению столь яркого окуневского искусства. Композиционная законченность произведений окуневских мастеров, великолепный рисунок, практически неограниченная вариативность изображений при их безусловном стилистическом единстве - все это требует особого отношения к окуневской культуре: ей должно принадлежать особое место как в общей культурной типологии, так и в истории мирового искусства. Пожалуй, ни одна из археологических

культур не испытывала такого “упоения” возможностями изобразительного творчества, как окуневская. В этом отношении Минусинская котловина представляет собой культурный “оазис”, подобный очагам древних цивилизаций.

Возможно, это объясняет, почему на сравнительно небольшой территории Минусинской котловины сконцентрировано такое количество памятников окуневского искусства, в первую очередь, - каменных изваяний. Несомненно и то стимулирующее влияние, которое оказывали окуневцы на культуру населения соседних районов Сибири, в связи с чем уместно привести слова из прекрасной и незаслуженно забытой книги “Распространение культуры на Земле” В.Г.Богораза: “...вино культуры как бы вспенивается, бродит и разъедает вмещающую его географическую чашу” [Богораз-Тан, 1928, с. 250]. Такой “географической чашей” и являлась Минусинская котловина, вокруг которой создавалось свое “культурное поле”, где длительное время сохранялись окуневские традиции. Так, например, как сейчас установлено, именно наследию окуневской культуры во многом обязан своим появлением скифо-сибирский звериный стиль.

Все это вместе взятое делает проблему изучения окуневской культуры одной из наиболее актуальных в настоящее время. Между тем, последняя (и единственная!) монография по окуневской культуре вышла почти 20 лет назад (Э.Б.Вадецкая, Н.В.Леонтьев, Г.А.Максименков. Памятники окуневской культуры. Л., 1980). С тех пор источниковедческая база почти не пополнилась - материалы многих, даже известных памятников не опубликованы или опубликованы выборочно, что не дает о них полного представления.

К великому сожалению, и окуневское искусство пока не стало ни достоянием большой науки, ни фактом в истории искусства. Оно остается объектом интереса узкого круга специалистов, занимающихся сибирской археологией. Вне этого круга даже археологи знают его, чаще всего, понаслышке. Об искусствоведах и просто о людях, интересующихся историей и искусством, и говорить не приходится.

Восполнить этот пробел и дать - на современном уровне - представление об окуневской культуре в целом и, в частности, об окуневском искусстве - одна из основных задач предлагаемого Сборника. При этом было важно показать необходимость комплексного подхода к решению окуневской проблемы: в наш Сборник включены исследования по археологии, антропологии, искусствоведению и металлографии. Этим конечно, не ограничивается круг дисциплин, где научные поиски в области окуневской проблематики могут оказаться особенно плодотворными - мифология древних обществ, палеосоциология, историческая лингвистика, религиоведение.

Помимо полной публикации ряда первоклассных, открытых в последние годы, окуневских комплексов, в Сборнике представлено развитие и обоснование идей, высказанных на тематической научной конференции “Проблемы изучения окуневской культуры”, проходившей на кафедре археологии СПбГУ в 1995 году и впервые, после длительного перерыва, объединившей творческие усилия специалистов, занимающихся изучением окуневской культуры и искусства.¹ Мнения авторов по двум кардинальным вопросам - происхождения окуневской культуры и интерпретации памятников окуневского искусства - во многом расходятся, что вполне естественно, так как исследование феномена окуневской культуры на современном методическом уровне еще только начинается.

Хотелось бы надеяться, что на этом пути публикация настоящего сборника окажется важной вехой.

Д.Г.Савинов, М.Л.Подольский

¹ Подробнее об итогах конференции см.: Д.Г.Савинов. Тематическая научная конференция “Проблемы изучения окуневской культуры” // Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации (материалы Пленума ИИМК РАН). СПб., 1996, с.117-120.

Проблемы изучения окуневской культуры (в историографическом аспекте)

История изучения каждой археологической культуры имеет свои особенности: выделение одних является результатом длительных и планомерных предшествующих изысканий; другие “открываются” сразу и быстро занимают соответствующее место в уже существующих построениях; третьим приходится долго “завоевывать” право на существование, вызывая при этом самые противоречивые суждения исследователей. К числу последних относится окуневская культура Южной Сибири, выделение и историко-культурная интерпретация которой, на фоне других сибирских археологических культур, имеет, пожалуй, наиболее драматический характер.

История изучения окуневской культуры может быть рассмотрена в двух основных плоскостях: 1 - выделение окуневского культурного комплекса, где главными являются вопросы происхождения, компонентного состава и хронологии памятников; 2 - изучение изобразительного искусства, ассоциируемого с окуневской культурой, на основании чего возможно реконструирование мировоззрения окуневцев. Поскольку изобразительные материалы составляют важнейшую часть окуневского культурного комплекса, независимое рассмотрение их в историографическом аспекте вряд ли целесообразно, хотя исследование того и другого вида источников велось и ведется параллельно, смыкаясь в периоды наиболее интенсивного изучения окуневской культуры.

Впервые керамика окуневского типа на Енисее была обнаружена С.А.Теплоуховым, поместившим ее среди материалов выделенных им афанасьевской и андроновской культур [Теплоухов, 1929, табл. 1, 3, 4, 14]. При этом С.А.Теплоухов отметил, что “при резком, в большинстве случаев, отличии керамики андроновской культуры от керамики афанасьевского могильника, мы находим все же некоторые черты сходства между двумя плоскодонными сосудами андроновской культуры, также сплошь орнаментированными или отличающимися той же архаической чертой - орнаментацией дна. Вышеприведенные данные указывают на то, что андроновская культура в Минусинском крае непосредственно следовала за афанасьевской” [Теплоухов, 1927, с. 83-84]. Указанные “черты сходства” (баночная форма, сплошной декор стенок и орнаментация дна) характеризуют именно керамику окуневского типа. То обстоятельство, что она оказалась как бы разделенной между “рядами” афанасьевской и андроновской культур, соответствовало взглядам С.А.Теплоухова на эволюционный характер их развития.

Тогда же М.П.Грязновым и Е.Р.Шнейдером впервые были систематизированы минусинские каменные изваяния, некоторые из которых были известны еще с петровского времени. По условиям нахождения (отсутствию на афанасьевских и андроновских могильниках и вторичному использованию в оградах Минусинской курганной - или тагарской - культуры) они были отнесены к карасукской культуре, следующей за андроновской и предшествующей тагарской. Особое значение при этом сыграла находка стелы с изображениями из с. Знаменка (А.В.Адрианов, 1904), использованной в качестве покрытия каменного ящика с инвентарем, как тогда считалось, 1 этапа Минусинской курганной культуры [Грязнов, Шнейдер, 1929]. Точку зрения о карасукской принадлежности минусинских каменных изваяний поддержал С.В.Киселев [Киселев, 1933], позднее сопоставивший изображения на них с мифологическими персонажами эпохи Инь и Чжоу, что в целом соответствовало разработанной им “китайской” теории происхождения карасука [Киселев, 1951, с. 165-172]. В то же время С.В.Киселев первым указал, что ряд предметов афанасьевского (тогда еще не отделенного от окуневского) культурного комплекса (курильницы, некоторые виды каменных и металлических изделий) имеют аналогии не только в ямной, но и в катакомбной культуре [Киселев, 1948, с. 169-170].

Во второй половине 40-ых - начале 50-ых гг. возобладала тенденция отнесения рассматриваемых памятников (сначала могильников, а затем и изваяний) к андроновской культуре. В 1947 г. М.Н.Комарова, опубликовав материалы раскопанных в 1928 г. С.А.Теплоуховым нескольких курганов в Окуневом улусе, давшем впоследствии название всей культуре, отделила их от афанасьевских и пришла к выводу о существовании

раннего (“окуневского”) этапа андроновской культуры [Комарова, 1947, с. 57-59]. Несколько раньше, в 1945 г., такие же погребения были открыты в г. Абакане (материалы опубликованы позже - Левашова, 1975). В одном из них были найдены костяные пластинки с изображением женских лиц, имеющие аналогии с некоторыми каменными изваяниями (Усть-Есинская Кыс-таш). На этом основании М.П.Грязнов передатировал все минусинские изваяния и отнес их к одной, но теперь уже - андроновской культуре [Грязнов, 1950]. Была пересмотрена и ситуация нахождения Знаменской стелы: само погребение датировано карасукским временем, а вторично использованная плита отнесена к андроновской культуре [Грязнов, 1960]. Определение изображений типа абаканских пластинок как андроновских принял С.В.Киселев [Киселев, 1951, табл. VIII, 1, 3-5], тем самым отделив их от основной массы каменных изваяний (“карасукских”). К андроновскому времени были отнесены и пестикообразные фигурки с аналогичными изображениями женских головок - таштыпского типа [Кызласов, 1956; Дэвлет, 1962].

Так постепенно, в рамках представлений о раннем этапе андроновской культуры, формировался основной фонд источников по окуневской культуре. Однако, в целом андроновская линия синхронизации памятников окуневского типа оказалась не состоятельной: андроновская культура представлена в Минусинской котловине только памятниками позднего (федоровского) этапа; генетических предшественников раннеандоновской (“окуневской”, по М.Н.Комаровой) традиции в местах исхода андроновцев не обнаружено; в многочисленных материалах, культурная атрибуция которых как андроновских, сомнения не вызывает, ни разу не были встречены (и до сих пор не найдены) какие-либо фигуративные изображения, подобные окуневским.

В середине 50-ых гг. сенсацией стали результаты раскопок А.Н.Липского на ряде могильников в южных районах Хакасии (Камышта, Тас-Хаза, Бельтиры, у ст.Аскиз и др.), материалы которых, за исключением отдельных кратких сообщений [Липский, 1952; 1954; 1957; 1961], так и остались неопубликованными. В исследованных курганах окуневская керамика вновь (после раскопок С.А.Теплоухова) была найдена вместе с афанасьевской (Бельтиры, Тас-Хаза, Камышта); были открыты ярусные (Тас-Хаза) и одно катакомбное (на р.Есь) погребения; найдены принципиально новые типы вещей: курильницы с “карманом”, вкладышевый нож глазковского типа, мраморные шары, медный проушный топорик и др. Особо следует отметить находки обломков каменных плит с изображениями из могильника Тас-Хаза, выполненными в различной технике (выбивка, гравировка, красочные рисунки охрой) и весьма разнообразными с точки зрения представленных сюжетов: личины, антропоморфные фигуры, птицы и птицеголовые фантастические существа. Последние по своеобразной “фас-профильной” постановке фигур А.Н.Липский сравнил с изображениями древнеегипетских божеств Тота и Хонсу [Липский, 1961, с. 273-276]. Что касается антропологического типа погребенных (в Аскизе и Бельтирах), то он характеризуется явными признаками монголоидности; а сделанная М.М.Герасимовым реконструкция по мужскому черепу из Бельтир [Липский, 1961, рис. 4], более всего соответствовала представлениям о внешнем облике североамериканских индейцев.

В итоге А.Н.Липским была предложена первая историческая интерпретация того культурного комплекса, который сейчас называется “окуневским”. Раскопанные погребения отнесены к афанасьевской культуре, но более сложной по своему составу, чем это представлялось ранее: наряду с европеоидами, в ее сложении принимали участие и местные монголоидные племена, определившие своеобразие населения южных районов Хакасии. Плиты с рисунками из Тас-Хазы, по А.Н.Липскому, находились во вторичном использовании, не почитались устроителями погребений и, следовательно, должны относиться к доафанасьевскому времени, т.е. к эпохе неолита. Эта атрибуция была распространена на все “наземные” каменные изваяния, ранее считавшиеся карасукскими или андроновскими. Такое углубление в древность позволило А.Н.Липскому сопоставить личины из Тас-Хазы с наиболее известными тогда неолитическими петроглифами из Сакачи-Аляна на Амуре и далее - с раскраской лица у индейцев и эскимосов, а сами изваяния - с тотемными столбами Северной Америки. Центр зарождения подобной традиции, по А.Н.Липскому, находился в юго-восточных районах Азии, откуда ее носители распространялись на север - в сторону Берингова пролива и Северной Америки, и на северо-запад - на Средний Енисей [Липский, 1969; 1970]. Так неожиданно широко - от Древнего Египта до америндов - пролегла зона поисков аналогий материалам из Минусинской котловины.

синской котловины. Однако, при этом оставалось неясным, почему на столь незначительной территории - по данным М.А.Дэвлет, ареал минусинских каменных изваяний составляет всего 100 x 250 км [Дэвлет, 1973а, с. 210] - сконцентрировано, как в своеобразном "оазисе", столь большое количество памятников, имеющих столь далекие аналогии.

Антропологические материалы из раскопок А.Н.Липского были исследованы В.П.Алексеевым, выделившим особый ("южноафанасьевский") антропологический тип, отличающийся значительной степенью монголоидности и в этом отношении противостоящий основной массе афанасьевского европеоидного населения. По мнению В.П.Алексеева, это свидетельствовало о наличии местного (монголоидного) компонента в составе афанасьевской культуры [Алексеев, 1961; 1961а; 1961б, с. 126-144].

"Афанасьевская" линия синхронизации памятников окуневского типа и, соответственно, определение неолитического возраста минусинских каменных изваяний, имели больше сторонников, чем "андроновская". Исследовав аналогичные памятники на реках Уйбат и Бюрь, Л.Р.Кызласов также отнес их к афанасьевской культуре, подчеркнув при этом, что необходимо пересмотреть выводы М.Н.Комаровой о выделении т.н. "окуневского этапа" андроновской культуры [Кызласов, 1962]. Вместе с тем, было предложено разделить афанасьевскую культуру на два последовательных этапа: афанасьевско-тесинский (конец III тыс. до н.э.) и окуневский (начало II тыс. до н.э.). Со вторым этапом, по мнению Л.Р.Кызласова, связан ряд существенных новаций: возникновение южносибирской металлургии, преобладание баночных форм в керамике, появление земледелия и изобразительного искусства (типа абаканских пластинок), чего не было на первом этапе развития афанасьевской культуры [Кызласов, 1971].

В свете новых материалов пересмотрел свои взгляды относительно датировки минусинских каменных изваяний и С.В.Киселев. "После открытия А.Н.Липского, - писал он в своей последней статье, - целиком отпадает тезис М.П.Грязнова о принадлежности всех минусинских изваяний только одной из культур бронзового века" [Киселев, 1962, с. 55]. Изображения типа пластинок по-прежнему относились С.В.Киселевым к андроновской культуре, а вся остальная масса изваяний "опускалась" вплоть до неолитической эпохи. В русле своих представлений о восточно-азиатских связях южносибирских культур С.В.Киселев привел аналогии личинам на минусинских изваяниях в изображениях на керамике китайского неолита из Баньпо, в чем-то действительно напоминавших южно-сибирские [Киселев, 1962, с. 56-57, рис. 2]. Как своеобразное завещание можно рассматривать слова С.В.Киселева о том, что "перед нами теперь совершенно иная задача: тщательная классификация всех изображений, выявление связи их с разными культурами, на очень большом промежутке времени, стилистический и семантический анализ" [Киселев, 1962, с. 58], полностью сохраняющие свое значение и в наши дни.

Новый этап в изучении памятников окуневского типа наступил после раскопок Г.А.Максименковым в 1962-1963 гг. могильника Черновая VIII, материалы которого послужили основанием для выделения самостоятельной окуневской археологической культуры [Максименков, 1965; 1968; 1975; 1975а; 1980]. При этом Г.А.Максименков руководствовался принципом выделения культур как ограниченных во времени и последовательно сменяющих друг друга археологических комплексов, разработанным С.А.Теплоуховым и М.П.Грязновым. Тем самым знаменитая периодизация "Древних металлических культур Минусинского края" С.А.Теплоухова была дополнена новой культурой - окуневской, помещенной между "рядами" афанасьевской и андроновской культур [Максименков, 1975, рис. 1]. Время существования окуневской культуры определялось эпохой позднего энеолита: конец III - начало II тыс. до н.э. (в диссертации Г.А.Максименкова указана и более точная дата: XXI-XVII вв. до н.э.). Позже, в связи с омоложением андроновской (федоровской) культуры в Южной Сибири, окуневская культура была отнесена к середине II тыс. до н.э., по Э.Б.Вадецкой: XVIII-XIII вв. до н.э. [Вадецкая, 1986, с. 36]. Будучи активным противником концепции сосуществования культур на территории Минусинской котловины [Максименков, 1969; 1975, с. 48-49], Г.А.Максименков считал, что между афанасьевской, окуневской и андроновской культурами нет преемственности: они последовательно сменяют друг друга. Хотя он и допускал в периоды смены культур эпизодическое сосуществование носителей разных традиций, что, однако, не прослеживается археологически [Максименков, 1975, с. 57-58].

Принципиальное значение в “автономизации” окуневского культурного комплекса имело определение погребений в каменных ящиках с окуневской керамикой (Уйбат-Хулган; Красный яр, кург. 6; Карасук VIII, кург. 7; Черновая 1, кург. 2 и др.) как впускных в более ранние сооружения афанасьевской культуры [Максименков, 1965а]. По Л.Р.Кызласову, наоборот, это рассматривалось как свидетельство их преемственности [Кызласов, 1971, с. 7]. Именно в этих погребениях были обнаружены представители своеобразного антропологического типа, названного В.П.Алексеевым “южноафанасьевским” [Иванова, 1966]. Таким образом, отпадал основной аргумент в пользу сложного состава афанасьевской культуры. Одновременно Л.А.Ивановой было показано различие афанасьевской и окуневской керамических традиций [Иванова, 1968].

В работах Г.А.Максименкова была представлена иная концепция происхождения окуневской культуры, суть которой сводится к следующему. Между афанасьевской и окуневской культурами нет генетической преемственности - они имеют разное происхождение. Формирование окуневской культуры происходило в районах, расположенных севернее Минусинской котловины, где имеются аналогии (в первую очередь, в керамике и предметах изобразительного искусства) многим элементам окуневского культурного комплекса (Базаиха, Афонтова гора, ключ Гремячий и др.). Вместе с тем, Г.А.Максименков не исключал возможности того, что предки окуневцев могли жить и на Среднем Енисее, но были оттеснены афанасьевцами, а затем вернулись на прежние места своего обитания - процесс, который он образно определил как “первобытную реконкисту” [Максименков, 1975а, с. 36-37]. Продвижение (или возвращение) окуневцев на юг было вызвано развитием у них скотоводства и металлургии, что происходило, возможно, не без влияния афанасьевцев. На время пребывания окуневцев в Минусинской котловине приходится расцвет их культуры, правда, (по Г.А.Максименкову) - недолгий, прерванный появлением андроновцев. При этом Г.А.Максименков отрицал какие-либо южные или западные истоки окуневской культуры и считал ее “истинно сибирской” [Максименков, 1980, с. 26].

Составной частью построений Г.А.Максименкова является вопрос, удачно сформулированный им как “окуневская культура и ее окружение” [Максименков, 1970а; 1975, с. 15-21]. В число культур “окружения”, хронологически соответствующих окуневской культуре, вошли: на востоке, в Прибайкалье - глазковская культура; на севере - памятники Красноярско-Канского района; на юге - отдельные памятники окуневского типа в Туве; в Западной Сибири - самусьская культура, а также - Чудацкая гора, Иткуль, вплоть до могильника Канай в Восточном Казахстане. Характер взаимоотношений между ними оставался неясным; но важно то, что впервые был поставлен вопрос о существовании традиций, близких окуневским, за пределами распространения собственно окуневской культуры.

При раскопках Черновой VIII (а впоследствии и других памятников) повторилась ситуация, ранее зафиксированная в Тас-Хазе: во многих могилах были найдены обломки каменных плит с рисунками; причем, значительно большим оказалось как общее число плит, так и разнообразие представленных на них изобразительных сюжетов. По “презумпции вторичного использования” все они должны были бы быть отнесены к предшествующему времени - афанасьевской культуре или эпохе неолита. Однако, специально исследовавшая этот вопрос Э.Б.Вадецкая предложила относить их к той же культуре, в погребениях которой они были найдены, т.е. к окуневской [Вадецкая, 1965; 1967; 1986, с. 32-33]. Основания для этого приводились следующие: 1 - отсутствие каких-либо следов подобных изображений в памятниках афанасьевской культуры; 2 - плиты из погребений тонкие, без следов выветривания, не могли использоваться долго в общественной практике (по условиям нахождения они, конечно, сделаны раньше погребений, но хронологический “зазор” в данном случае мог быть минимальным - те и другие относятся к одной археологической культуре); 3 - на черепках погребенных иногда сохранялись следы раскраски (поперечные линии, “третий глаз” на лбу), соответствующие иконографии изображений на каменных плитах и изваяниях; 4 - совпадение форм некоторых предметов, найденный в погребениях, с изображениями их на плитах; 5 - этнографические параллели, свидетельствующие о существовании у различных народов обычая повреждать (или уничтожать) культовые предметы с целью “удаления” из них “жизни” и перевода в “инаковое” состояние. Вывод об одновременности (во всяком случае, однокультурности) окуневских погребений и найденных в них плит с

изображениями распространялся на все минусинские изваяния, “продвижение” которых по “ступеням” периодизации древних культур Южной Сибири на этом закончилось, и все они были отнесены к вновь выделенной окуневской культуре. Нетрудно заметить, что в данном случае опять “сработал” принцип М.П.Грязнова отнесения всех минусинских изваяний к одной археологической культуре, против чего выступал С.В.Киселев.

Степень доказательности аргументов, приведенных Э.Б.Вадецкой, различна; так, мало кто из исследователей, кроме непосредственно авторов раскопок, видел на черепахах погребенных следы охры, соответствующие иконографии каменных изваяний. Однако, в целом культурная атрибуция многочисленных и разнообразных произведений изобразительного искусства как однокультурных - окуневских - несомненно, имела положительное значение в плане расширения возможностей конкретных исследований. Э.Б.Вадецкой была предложена классификация каменных изваяний и их аналогов, сделанных из других материалов, исходя из принципа развития от более простых изображений (реалистических) к более сложным (нереалистическим) [Вадецкая, 1980, с. 39-49]. Интересные разработки по типологическому и семантическому анализу антропоморфных и зооморфных изображений сделаны Н.В.Леонтьевым [Леонтьев, 1970; 1978; 1980]. Идея сибирского происхождения окуневской культуры (точнее - одного из составляющих ее компонентов) удачно реализована С.В.Студзицкой, выделившей среди памятников окуневского искусства ряд безусловно местных сюжетов, неолитических в своей основе. [Студзицкая, 1973; 1987].

Вместе с тем, необходимо отметить ряд дискуссионных положений в концепции Г.А.Максименкова-Э.Б.Вадецкой: 1 - помещение окуневской культуры в жесткие рамки периодизации между афанасьевской и андроновской культурами “отрезает” (или ограничивает) возможности исследования как начальных этапов ее формирования, так и выявления окуневских реминисценций в последующих археологических культурах; 2 - идея прихода с севера, из зоны присваивающей экономики, носителей скотоводческого уклада (пусть даже воспринятого у афанасьевцев) в целях расширения пастбищ и поиска рудных источников весьма уязвима с точки зрения теории хозяйственно-культурных типов; 3 - непонятно разнообразие видов окуневского искусства, как бы “вобравшего” в себя всю изобразительную деятельность древнего населения Южной Сибири - от неолита до эпохи поздней бронзы (при условии отсутствия такового вообще у населения афанасьевской и андроновской культур). Неоднозначный характер источников при решении именно этих вопросов в дальнейшем определил основные направления в изучении окуневской культуры и искусства.

Наряду с идеей сибирского происхождения разрабатывалась линия поисков возможных истоков окуневских традиций на юге - в зоне высоких цивилизаций, или в более западных районах Евразийских степей. Основанием для этого послужили памятники изобразительного искусства, многие сюжеты которых явно не соответствовали предполагаемым корням окуневской культурной традиции в среде охотничьих племен (изображения быков, в том числе и явно одомашненных, повозок с бычьей тягой, различного рода солярных знаков и т.д.). Первым на это обратил внимание А.А.Формозов [Формозов, 1969]. Отметив вероятность южного (точнее - восточноазиатского, по С.В.Киселеву) и северного (по Г.А.Максименкову) направлений в генезисе окуневской культуры, он писал о необходимости учитывать и третье направление - западное. Последнее, по мнению А.А.Формозова, подтверждается близостью двух “блоков” культур - западного (ямной и катакомбной) и восточного (афанасьевской и окуневской); находками курильниц; отдельными захоронениями в катакомбах. Поскольку с ямной культурой связывается обычай изготовления и установки стел с антропоморфными изображениями, то не исключено, как полагал А.А.Формозов, распространение этого обычая с запада на восток, хотя трудно усмотреть какое-либо сходство между этими двумя группами изваяний.

Вполне вероятно, учитывая петроглифы с изображениями окуневского типа в Туве, и южные связи окуневской культуры. Иконографию окуневских изваяний А.А.Формозов сопоставил с изображениями из Мохенджо-Даро (божества с бычьими рогами и “третьим глазом” - лобным значком древних индусов) и отметил, что “фас-профильное” построение фигуры (Тас-Хаза) вообще было характерно для искусства Древнего Востока [Формозов, 1969, с. 203-208]. Мнение А.А.Формозова о возможных истоках окуневской изобразительной традиции в кругу высоких культур Древнего Востока поддержали

и другие исследователи [Хлобыстина, 1971а; 1971б; Савинов, 1978, с. 129]. О южных связях окуневской культуры, в связи с петроглифами Мугур-Саргола и находкой Азаской стелы в Туве (самое южное из известных изваяний окуневского типа), писала М.А.Дэвлет [Дэвлет, 1973а]. Однако, и эта точка зрения не была безупречной, так как не учитывала (как бы в противоположность мнению Г.А.Максименкова) явно “лесного” облика предметов сопроводительного инвентаря и некоторых сюжетов изобразительного искусства.

Одновременно проблема происхождения окуневской культуры рассматривалась и с точки зрения возможности сосуществования различных культур на территории Минусинской котловины, что давало значительно больший “простор” для сравнительно-аналитического исследования.

Особого внимания в этом отношении заслуживают работы М.Д.Хлобыстиной, которой была создана периодизация окуневской культуры с выделением четырех территориальных групп памятников; из них крайнее положение заняли памятники типа Тас-Хазы (“афанасьевско-окуневские” - ранние) и типа Черновой VIII (“классические” - поздние) [Хлобыстина, 1973]. “Окуневскую культуру, - отмечает М.Д.Хлобыстина, - нельзя рассматривать как изолированный культурный комплекс: необходимо его изучение во всем многообразии генетических и культурных связей” не только в Минусинской котловине, но и на более широкой территории [Хлобыстина, 1971, с. 34-35]. В одной из работ М.Д.Хлобыстиной были сформулированы следующие культурно-генетические позиции: афанасьевская культура западного происхождения (первая волна расселения индоевропейцев) стимулировала внешние контакты населения Южной Сибири с югом, особенно с Передней Азией; окуневская культура сложилась в первой половине II тыс. до н.э. в результате взаимовлияния местных неолитических и афанасьевских племен, унаследовав от первых древний монголоидный антропологический тип, а от вторых - скотоводство, металлургию, повозки на бычьей тяге и искусство; идеологической основой окуневского искусства явилось слияние космогонических мифов скотоводческо-земледельческих обществ Передней и Средней Азии и местных сибирских культов, приведшее к “блестящему симбиозу”; в дальнейшем окуневцы сосуществовали с андроновцами и карасукцами, благодаря чему зооморфные изображения окуневской культуры обусловили некоторые особенности скифо-сибирского звериного стиля [Хлобыстина, 1969]. Как пример длительного сохранения окуневских традиций М.Д.Хлобыстина рассматривала типологическую преемственность между вкладышевыми окуневскими ножами и коленчатými ножами карасукской культуры, ставшую основой для созданной ею периодизации последней [Хлобыстина, 1962]. Особое внимание М.Д.Хлобыстина уделила семантическому анализу окуневских изображений, выделив четыре основных сюжетно-мифологических композиции (миф о тотеме и женщине-прародительнице, миф о космической охоте, миф о солнечной повозке, миф о Солнце и змеях), в которых чувствуется (красиво сказано! - Д.С.) “дыхание древневосточных цивилизаций” [Хлобыстина, 1971, с. 166; 1971б]. Высказанные М.Д.Хлобыстиной положения представляют собой как бы своеобразный “конспект” будущего изучения памятников окуневской культуры: их развивали многие исследователи (к сожалению, часто без ссылки на первоисточник).

Из других работ этого периода следует отметить исследования П.М.Кожина, Н.Л.Членовой и Э.А.Новгородовой. Н.Л.Членова, отмечая определенное сходство между керамикой окуневской, самусьской и ростовкинской культур, из которых две последние сопровождаются сейминскими бронзами, предполагает, что подобные бронзовые изделия были свойственны и окуневской культуре, но по обряду не клались в погребения. Помещая центр распространения сейминских бронз в Верхнем Прииртышье, Н.Л.Членова считает, что “где-то здесь” сформировалась и окуневская керамическая традиция. “Отсюда окуневская керамика, по-видимому, и распространилась в разных направлениях, в том числе и на северо-восток, в Минусинскую котловину” [Членова, 1977, с. 110]. Интересно предположение П.М.Кожина, видевшего в носителях окуневского культурного комплекса подвижное аборигенное население, жившее в приенисейских степях весьма длительное время и последовательно вступавшее в контакты с населением афанасьевской, андроновской и карасукской культур [Кожин, 1971]. По Э.А.Новгородовой, афанасьевско-окуневскими традициями определяются особенности II группы памятников карасукской культуры (бейская группа памятников, по М.Д.Хлобыстиной, или лугавская культура, по Н.Л.Членовой) [Новгородова, 1970, с. 174]. В

целом можно сказать, что к концу 70-х гг. все варианты возможного происхождения окуневской культуры и искусства, исходя из материалов Минусинской котловины, были апробированы; в каждой гипотезе имелось свое рациональное зерно, но ни одна из них не стала решением проблемы.

Начиная с 80-х гг. наиболее активно исследуются вопросы, связанные с “окружением” окуневской культуры, особенно в западных и южных областях распространения культурных традиций, сопоставимых с окуневскими. Однако, характер отношений между ними оценивается по-разному. Самусьско-окуневские параллели, прослеживаемые в основном по антропоморфным изображениям на керамике из поселения Самусь IV, первоначально принимались как бесспорное свидетельство генетических связей (или культурного влияния) населения Западной и Южной Сибири [Максименков, 1968, с. 170-171; Вадецкая, 1969; Посредников, 1970]. Сомнения в возможности прямого сопоставления этих материалов в свое время высказал В.И.Матющенко [Матющенко, 1977; 1983], поставив вопрос: “Не навеяны ли сюжеты антропоморфных и зооморфных орнаментов Самусь IV той же южной струей (со ссылкой на А.А.Формозова - Д.С.), которая принесла некоторые элементы в искусство окуневцев” [Матющенко, 1973а, с. 114]. В дальнейшем эта линия исследований, нацеленная на разграничение самусьской и окуневской культур, была аргументирована В.И.Молодиным и И.Г.Глушковым [Молодин, Глушков, 1989, с. 10, 112]; причем, по И.Г.Глушкову, антропоморфные изображения на самусьской керамике не связаны с окуневскими, а восходят к изобразительному канону древних земледельческих культур Передней и Средней Азии [Глушков, 1987]. Несколько иная точка зрения изложена в работах М.Ф.Косарева, который признает сходство между самусьской и окуневской культурами [Косарев, 1974, с. 73] и считает, что “в начальный период освоения окуневцами Верхнего Енисея часть окуневского (или родственного окуневцам) населения продвинулась довольно далеко на запад, в юго-восточное Приобье [Косарев, 1981, с. 74], но при условии отнесения окуневской культуры не к эпохе энеолита, как утверждал Г.А.Максименков, а к самусьско-сейминской эпохе, начиная с середины II тыс. до н.э. [Косарев, 1974, с. 73]. С такой датировкой окуневской культуры в свете западносибирских параллелей (в первую очередь, памятников с предметами сейминской металлургии) согласны и другие исследователи. Наиболее четко это положение сформулировал В.В.Бобров: “Дата окуневской культуры дискуссионна, но концепция о ее неолитическом возрасте должна стать достоянием историографии науки. Корреляция окуневских материалов с самусьскими и кротовскими памятниками - весомый аргумент их хронологической синхронизации” [Бобров, 1992а, с. 28].

Что касается кротовских параллелей, то В.И.Молодин, исследовавший уникальный, в основном - кротовский, комплекс Сопка-2 в Барабинской лесостепи, пришел к заключению, что сходство между материалами кротовской и окуневской культур может рассматриваться только на стадильном уровне (типа окуневско-глазковских связей) [Молодин, 1988а]. Правда, количество приведенных для доказательства этого положения общих черт в памятниках обеих культур оказалось настолько велико, что может быть использовано и для выводов иного порядка. По-прежнему обособленное положение, как сигнал о еще не реализованных возможностях изучения западной линии связей окуневской культуры, занимают погребения канайского типа в Восточном Казахстане, по обряду наиболее близкие собственно окуневским [Черников, 1960, табл. XIX-XX].

Расширение ареала окуневской культуры на юг в настоящее время подтверждается археологическими памятниками Тувы, к которым относятся погребения на р.Уюк [Вайнштейн, 1954, с. 142-143; табл. II] и на р. Тарлашкын [Маннай-оол, 1963]; слои с керамикой окуневского типа на стоянке Тоора-Даш в Саянском каньоне Енисея, на основании чего В.А.Семеновым было выделено два этапа окуневской культуры в Туве [Семенов, 1984; 1988; 1992, с. 24-27]. Захоронения, наиболее близкие по обряду и керамике окуневским, были открыты А.М.Мандельштамом на могильнике Аймырлыг [Мандельштам, 1973; 1974; Мандельштам, Стамбульник, 1980, с. 45]. Причем, исследовавший черепа из этих погребений И.И.Гохман пришел к выводу об их европеоидности и отличии от минусинских окуневцев [Гохман, 1980, с. 28]. Ярким свидетельством включения Тувы в сферу влияния окуневской культурной традиции являются петроглифы Мугур-Саргола, досконально исследованные М.А.Дэвлет [Дэвлет, 1978; 1980], хотя точное время создания этого петроглифического комплекса остается неопределен-

ным. Отношение исследователей к принципам выделения этих памятников неоднозначно: одни считают их просто окуневскими, другие называют тувинским вариантом окуневской культуры, третьи - памятниками окуневского типа. По мнению В.В.Боброва, они выделяются в самостоятельную археологическую культуру, названную им (по месту раскопок А.М.Мандельштама) чаахольской [Бобров, 1992а; 1994].

Еще один яркий очаг окуневской культурной традиции, по всем данным наиболее близкий памятникам типа Тас-Хазы в Минусинской котловине, открыт на Горном Алтае. Изучение его началось с находки в 1978 г. каменной плиты с изображениями животных в пос.Озерное [Молодин, Погожева, 1990]. Затем последовали раскопки могильника Каракол с великолепными красочными изображениями на стенках каменных ящиков [Кубарев, 1988], значительно укрепившими позиции сторонников культурного единства окуневских плит и погребений, в которых они были найдены. Автор раскопок В.Д.Кубарев сначала отнес материалы Каракольского могильника к локальному варианту окуневской культуры на Алтае [Кубарев, 1986]. В.И.Молодиным было предложено выделять их, как и другие алтайские материалы, в качестве самостоятельной культуры, названной им каракольской [Молодин, 1991; 1992, с. 27], с чем согласился и В.Д.Кубарев [Кубарев, 1993, с. 105]. С выделением чаахольской культуры в Туве и каракольской культуры на Горном Алтае (или соответствующих памятников окуневского типа), окуневская культура Минусинской котловины в какой-то степени потеряла свою исключительность, но зато значительно расширились возможности ее изучения во всей совокупности материалов Саяно-Алтайского нагорья.

За последнее десятилетие изучение памятников окуневской культуры, обогащенное новыми открытиями и наблюдениями, как бы пошло "по второму кругу". Практически все ранее сформировавшиеся направления получили дальнейшее развитие и обоснование. Л.Р.Кызласов выделил отдельную тазминскую культуру периода позднего неолита - перехода к энеолиту, к которой отнес абсолютное большинство минусинских каменных изваяний. Правда, кроме статуарных изображений, "тазминская" культура, как культура археологическая, пока ничем не представлена. Существенное значение при этом имели раскопки, проведенные в местах нахождения изваяний, доказавшие их принадлежность древним святилищам [Кызласов, 1986, с. 87-135; Кызласов И., 1984]. Мирозрание "тазминцев" было синкретичным - "в основе культовых представлений находилось охотничье мировосприятие [...], которое было усложнено идеологией пришлых скотоводов, принесших с собой культуру людей, связанных с производящей экономикой (культ Коровы-матери, изображения быков и т.д.)" [Кызласов, 1986, с. 239]. Последняя определила очень широкий, по Л.Р.Кызласову, круг параллелей отдельным "тазминским" композициям и персонажам в искусстве высоких цивилизаций, главным образом, Передней и Южной Азии. Тот же (или очень близкий) круг аналогий изображениям каракольской культуры Горного Алтая приводит В.Д.Кубарев [Кубарев, 1988]. Что касается археологических памятников, то они по-прежнему относятся Л.Р.Кызласовым к афанасьевской культуре, разделенной на два этапа: собственно афанасьевский и "окуневский". Тем самым, все многообразие памятников окуневской культуры оказывается "скрытым" за окуневским этапом афанасьевской культуры. Несообразность эта, по-видимому, видна и самому автору, т.к. иногда понятия "позднеафанасьевская" или "окуневская культура" [Кызласов, 1986, с. 267] употребляются им как тождественные.

Близкая система взглядов представлена в работах Я.А.Шера. Опираясь на первоначальное определение М.П.Грязновым плит с рисунками, найденных в погребениях, как строительного материала и последовательность нанесения изображений на Знаменской стеле, Я.А.Шер вновь относит часть изображений к афанасьевской культуре, а, возможно, и к более раннему неолитическому времени. Правда, не указывая, каких именно, и не исключая ситуации, когда окуневские плиты могли использоваться близкими современниками - афанасьевцами [Шер, 1980, с. 216-232]. Возражая против сибирских истоков окуневской культуры, Я.А.Шер отмечает, что в окуневском искусстве представлен ряд сюжетов (изображения повозок, быков, солнцеголовых персонажей, солярных знаков), которые не могли возникнуть в охотничьей среде, а являются отражением общеиндоевропейской мифологии первых скотоводов. В Южной Сибири - это население афанасьевской культуры, с которым следует связывать появление подобных изображений, вошедших в арсенал окуневского искусства. Сосуществование и взаимное влияние афанасьевцев и окуневцев, по Я.А.Шеру, вполне возможны, поскольку носите-

ли разных хозяйственно-культурных типов (окуневцы - охотники, афанасьевцы - скотоводы) могли занимать различные экологические ниши [Шер, 1991].

Несколько “смягчила” свои позиции Э.Б.Вадецкая. По-прежнему считая, что окуневская культура и искусство сложились на основе сибирского неолита и получили распространение в постафанасьевское время, Э.Б.Вадецкая отмечает, что вряд ли следует объяснять все случаи нахождения “смешанных” афанасьевско-окуневских комплексов (типа Тас-Хазы) только “ошибками археологов” [Вадецкая, 1986, с. 28]. Вполне вероятны контакты между этими двумя группами населения, сооружение ими совместных кладбищ и т.д. Именно “соседство и совместная жизнь афанасьевцев-скотоводов и окуневцев-охотников изменили хозяйственный уклад последних, но, возможно, этим участие афанасьевцев в сложении окуневской культуры ограничилось”. Касаясь вопроса датировки окуневских памятников, Э.Б.Вадецкая отмечает, что “указанные хронологические рамки [...] (XVIII-XIII вв. до н.э.) касаются тех районов, где позже расселились андроновцы, вытеснившие окуневцев. В южной половине котловины окуневцы продолжали жить, видимо, вплоть до карасукской эпохи” [Вадецкая, 1986, с. 35-36]. Южные группы окуневцев сосуществовали с андроновцами и впоследствии вошли в состав населения карасукской культуры - то, о чем раньше писали М.Д.Хлобыстина, Н.Л.Членова и Э.А.Новгородова.

Представление об окуневцах как аборигенных группах населения, последовательно контактирующих с носителями других (пришлых) культурных традиций, наиболее четко реализовано в работах В.И.Матющенко. По В.И.Матющенко, в III тыс. до н.э. на территории Саяно-Алтая, в целом, и в Минусинской котловине, в частности, существовали три группы населения: древнее неолитическое монголоидное (скорее всего, байкальского происхождения); древнее местное европеоидное, предшествующее афанасьевскому; пришлое европеоидное население афанасьевской культуры. На рубеже III-II тыс. до н.э. активизация аборигенных групп, как монголоидных, так и европеоидных, привела к сложению окуневской культуры, частично вытеснившей или ассимилировавшей своих предшественников. В дальнейшем, при сохранении всех этих групп населения, а также образовавшихся метисных вариантов, картина еще более усложнилась с приходом андроновцев и карасукцев. Наследники всех культурных традиций так или иначе продолжали существовать на территории Минусинской котловины. “Такой подход, - отмечает В.И.Матющенко, - диктует необходимость выделения в археологических материалах субстратных компонентов (пластов), которые можно проследить по генезису и распространению” [Матющенко, 1988].

Сибирские истоки одного из определяющих компонентов окуневского культурного комплекса еще раз подтверждены параллелями окуневской керамики в памятниках предшествующего времени Енисейско-Байкальского региона, приведенными Л.А.Соколовой [Соколова, 1995]. Это соответствует местным мотивам в окуневском изобразительном искусстве [Студзицкая, 1995] и последним антропологическим исследованиям, по которым “население окуневской культуры представляло собой не единую популяцию, но механическую смесь групп индивидуумов разного происхождения” [Громов, 1995а, с. 72]. По другим параметрам окуневцы опять (возрождение идеи А.Н.Липского) оказались близкими индейцам, но уже не Северной, а Южной(!) Америки - “появились основания видеть в окуневцах не европеоидов с монголоидной примесью, а европеизированных “американоидов”, чьи предки заселяли Новый Свет” [Козинцев, Громов, Моисеев, 1995, с. 77].

Концепция западного (или юго-западного) происхождения окуневской культуры получила развитие в работах ряда исследователей; при этом главным источником здесь остаются памятники изобразительного искусства. По мнению Б.Н.Пяткиной, генетическая связь окуневской культуры с предшествующим сибирским неолитом вряд ли обоснована. Окуневцы пришли на Енисей позже, вслед за афанасьевцами, и включили в свой репертуар местные персонажи. Происшедшая смена культур определяется “аргументом колеса” (изображения колесных повозок, имеющих аналогии в Месопотамии, Анатолии и Харатте); появлением оловянистой бронзы; развитой космогонией с выделением персонажей Солнца и быка (или коровы); а также цветовой символикой, вертикальной архитектурой окуневских стел, планиграфией надмогильных сооружений и т.д. Все они не связаны с местной неолитической традицией, но имеют многочисленные параллели, уходящие на юго-запад. Путь движения окуневцев фиксируется наскальными

ми изображениями, выполненными в окуневском стиле - на Алтае, юго-восточном Казахстане (Тамгалы), на юге Средней Азии [Пяткин, 1987; 1992; Пяткин, Миклашевич, 1987]. Детально рассмотревший изображения повозок степной полосы Евразии В.А.Новоженов выделяет два цикла миграций ранних скотоводов на восток. Второй цикл (2500-1900 гг. до н.э.) восходит к общей древнеямной основе; генетически с ней связано формирование афанасьевско-окуневской(!) культуры. "Степная традиция украшения стенок могил и фургонов (известная в новосвободненских, новотиторских, кеми-обинских, усатовских памятниках), - отмечает В.А.Новоженов, - находит развитие в Тас-Хазе, Черновой VIII, Караколе. С этой же миграцией появляется и традиция установки стел и антропоморфных изваяний" [Новоженов, 1994, 224-225]. После раскопок могильников Уйбат III и V особое внимание на катакомбно-окуневские связи в генетическом аспекте обратил И.П.Лазаретов [Лазаретов, 1994; 1994а; 1995].

Отдельное направление - семантический анализ образов окуневского искусства в свете материалов письменной и изобразительной традиций древних цивилизаций. М.Л.Подольский, в течение ряда лет разрабатывающий эту тему, находит "ключ" к их интерпретации, главным образом, в культуре и мифологии ведических ариев [Подольский, 1985а; 1987; 1988]. Однако, как считает М.Л.Подольский, "нет никаких оснований говорить о переносе в Сибирь культур европейского происхождения. Речь может идти лишь о появлении там "плодотворной" культурной среды, о предпосылках культурогенеза, которые впоследствии могли реализоваться". В этой связи весьма продуктивно предложение о введении понятия "археологический фон" для более пластичной "модели" решения проблемы происхождения окуневской культурной традиции [Подольский, 1995]. Близкая точка зрения, основанная на общности идеологических представлений населения культур степной бронзы, высказана Е.Д.Паульсом [Паульс, 1995]. К решению окуневской проблемы в последнее время обратился и Д.А.Мачинский, считающий, что в Минусинской котловине находился древний сакральный центр Евразии, имевший тесные связи с восточным Средиземноморьем, Индией, Тибетом. Истоки иконографии окуневских изваяний Д.А.Мачинский видит в индо-тибетской эзотерической традиции, в контексте которой и объясняет основные элементы окуневских антропоморфных изображений [Мачинский, 1989, с. 24-28; 1995].

Еще один вариант решения окуневской проблемы исходит из положения о "блоке" родственных культур, близких окуневской (то, что раньше входило в понятие "окружения" окуневской культуры, но с учетом современной хронологии памятников). По В.В.Боброву, в период доандроновской бронзы (до XIII в. до н.э.) в аридной зоне Сибири на местной субстратной основе происходит формирование ряда родственных культур - самусьской, каракольской, чаахольской, кротовской, окуневской, названных "первобытными сибирскими цивилизациями" [Бобров, 1987, с. 83]. Наиболее яркая из них - окуневская. Южный компонент, выделяемый в составе всех этих культур, главным образом, по памятникам изобразительного искусства, связан с миграцией многочисленного европеоидного населения из районов Передней и Средней Азии, придавшей им одинаковую "окраску". В отличие от В.А.Новоженова, В.В.Бобров сравнивает изображения на плитах каменных ящиков окуневских могильников ("дома мертвых") с обычаем расписывать стены жилищ, известным с древности у народов Средней Азии. Дальнейшее развитие рассматриваемого "блока" культур было прервано нашествием андроновцев, историческая оценка значения которого носит двойственный характер: с одной стороны, это привело к разрушению "сибирских цивилизаций"; с другой, положило начало формированию культур скифо-сибирского типа [Бобров, 1987; 1992а; 1994].

В.И.Молодин, опираясь на заключение В.П.Алексеева о существовании в Центральной Азии самостоятельного (доафанасьевского) очага формирования европеоидной расы [Алексеев, 1981] и на преемственность между неолитическими и афанасьевскими слоями на стоянке Тоора-Даш [Семенов, 1983; 1988], считает, что афанасьевская культура имеет центральноазиатское происхождение (по В.П.Алексееву, население ямной и афанасьевской культур "восходит к одному генетическому прототипу" [Алексеев, 1981, с. 10]). Под давлением андроновцев лесостепные племена Западной Сибири продвинулись на юг, в зону распространения афанасьевской культуры, что привело к образованию в первой трети II тыс. до н.э. близких по облику культур - окуневской и каракольской. Сходство между ними, а также самусьской и кротовской культурами, имеет эпохальный характер. Южные (среднеазиатские) культурные элементы передавались на

север через посредство андроновцев. В местах, куда не достигла андроновская экспансия (южное окунево, каракол), автохтонное население могло существовать и позже, вплоть до XI в. до н.э. [Молодин, 1987; 1988; 1988а; 1992].

Наконец, в последние годы активно рассматривается еще один из множества составляющих окуневскую проблему вопросов, а именно - длительное сохранение окуневских культурных традиций. Существующие по этому поводу наблюдения можно привести в хронологической последовательности. Об участии окуневцев в формировании карасукской культуры уже говорилось. На поселении карасукского времени Торгажак найден каменный блок с личиной окуневского типа, что свидетельствует о почитании этого изображения карасуками [Савинов, 1991, с. 20]. На стоянке Тоора-Даш окуневские слои непосредственно предшествуют каменноложскому (позднекарасукскому), в связи с чем В.А.Семенов отмечал, что “дериваты окуневской культуры могли сохраниться вплоть до скифского времени, ранний этап которого, согласно датировке кургана Аржан, относится к VIII или даже IX вв. до н.э.” [Семенов, 1984, с. 261]. По материалам раскопок погребальных памятников М.А.Мандельштам пришел к выводу, что с наследием окуневской культуры могут быть связаны погребения в каменных ящиках, получившие широкое распространение в Туве раннескифского времени [Мандельштам, Стамбульник, 1980, с. 53-54]. “Очевидно, - отмечает А.М.Мандельштам, - перед нами истоки традиции, сохранявшейся на протяжении почти двух тысячелетий” [Мандельштам, 1983, с. 8]. Крестообразная планировка наземных сооружений на могильниках окуневской культуры Карасук II и VIII [Комарова, 1981, рис. 1, 7], а также сложного погребально-ритуального комплекса на р.Туим [Кызласов, 1987], находит непосредственное развитие в планиграфии херексурсов Центральной Азии, время существования которых определяется по изображениям на установленных около них оленных камнях. Сама традиция установки оленных камней - рядами, с выделенными около них местами для жертвоприношений - восходит к святилищам с окуневскими изваяниями [Савинов, 1994, с. 142-143]. Антропоморфные изображения на некоторых оленных камнях стилистически сопоставимы с личинами окуневских изваяний и изображениями типа абаканских пластинок [Савинов, 1993]. Участие окуневских традиций в формировании скифо-сибирского звериного стиля (изображения хищников с высунутым языком, билатеральное сечение головы, “скелетный” стиль) убедительно показано в работах Б.Н.Пяткина и Я.А.Шера [Пяткин, 1987; Шер, 1989]. Из хронологически самых поздних можно отметить предположение Э.Б.Вадецкой о том, что часть окуневцев (по ее мнению, самодийцев?), ушедших под давлением андроновцев в Туву, впоследствии вернулась обратно на Средний Енисей. Эти потомки (“реэмигранты”) - население тесинского этапа последних веков до н.э., погребения которых в каменных ящиках по ряду признаков напоминают окуневские [Вадецкая, 1983а; 1986, с. 36; 1993]. Так идея “реконкисты”, высказанная Г.А.Максименковым на заре открытия окуневской культуры в плане поиска ее неолитических истоков, “вернулась” в виде предположения об окуневцах-“реэмигрантах” из Центральной Азии хуннского времени. Таков диапазон проявления окуневских традиций по “шкале периодизации” древних культур Южной Сибири.

Подведем некоторые итоги. Тридцать лет изучения окуневской культуры, со времени выделения ее Г.А.Максименковым, показали реальность существования высокой - в полном смысле этого слова! - культуры охотников и скотоводов Саяно-Алтайского нагорья с развитой идеологией и уникальным, поливариантным по формам изобразительной деятельности, искусством. Вряд ли эту культуру следует рассматривать только как раздел периодизации древней истории Южной Сибири - ее значение гораздо шире и глубже. На самом общем таксономическом уровне оно заключается в том, что между двумя великими географическими поясами - таежными массивами Северной и горными хребтами Центральной Азии - существовала культурная общность, впитавшая в себя наследие прежних неолитических традиций, чутко воспринимавшая и перерабатывавшая в своей среде различного рода инновации. Естественно, что в разных местах взаимодействие этих разнородных традиций проявлялось по-разному, чем и определялись, в конечном счете, общность и своеобразие культур т.н. доандроновской бронзы. Поэтому говорить об однозначном решении вопроса происхождения окуневской культуры - местное? пришлое? - вряд ли целесообразно.

История изучения памятников окуневской культуры показывает, что острота противоречий между в прошлом полярными точками зрения постепенно стирается за счет

признания одних и тех же фактов (но не способа их интерпретации) и появления ряда компромиссных гипотез. В каждой из концепций (пожалуй, кроме “андроновской”) имеется свое рациональное зерно, которое, при анализе конкретной группы источников, еще может прорасти и дать свои плоды в будущих исследованиях. Вместе с тем, необходимы новые подходы, ракурсы, наблюдения. При этом, помимо компонентного анализа, представляется целесообразным введение понятия “доминантного состояния” окуневской культуры (общности? традиции?), характеризующего отличительные особенности памятников на разных этапах ее развития. Какого рода процессы стоят за этими особенностями, каково их историческое содержание - должны показать будущие исследования.